

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2019, №3–4, Том 3 / 2019, No 3–4, Vol 3 <https://liberal-journal.ru/issue-3-4-2019.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/13KLGK319.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Сеvрюгина Е.В. Проблема диалога культур в современном поэтическом тексте (на материале произведений Михаила Дынкина, Романа Смирнова, Олега Дозморова) // Либерально-демократические ценности, 2019 №3–4, <https://liberal-journal.ru/PDF/13KLGK319.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Sevryugina E.V. (2019). The problem of dialogue of cultures in the modern poetic text (based on the works of Mikhail Dynkin, Roman Smirnov, Oleg Dozmorov). *Journal of liberal democratic values*, [online] 3–4(3). Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/13KLGK319.pdf> (in Russian)

Статья публикуется по итогам XIV научной конференции с международным участием «ГРАНИ КУЛЬТУРЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ» (24 октября 2019 года)

УДК 1751

Сеvрюгина Е.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
Московский центр образования школьников
Преподаватель
Кандидат филологических наук, доцент

Проблема диалога культур в современном поэтическом тексте (на материале произведений Михаила Дынкина, Романа Смирнова, Олега Дозморова)

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме изучения поэтического текста в контексте диалога культур. На сегодняшний день, когда общество буквально увязло в эклектике, а современная культура формируется под сильным влиянием такого эстетического направления, как постмодерн, особенно важно анализировать художественный дискурс как некое поле взаимодействия автора с читателем и культурным опытом настоящего и прошлого.

Учитывая тот факт, что ключевыми особенностями современных литературных направлений является интертекстуальность, семантическая многоплановость, стилевая неоднородность и наличие игрового начала, особое внимание в работе мы уделяем выявлению в анализируемых источниках различных культурологических влияний и анализу механизмов их взаимодействия и взаимопроникновения в границах заданного текста.

В качестве ведущих методов в работе использованы метод контекстуального анализа, метод реконструкции исходного культурного материала, метод сопоставительного анализа. Ведущим может быть назван метод сопоставительного анализа.

Результаты исследования в данной области могут быть использованы при составлении монографий, посвящённых современному литературному процессу, в методике преподавания новейшей русской и зарубежной литературы, а также в разработке учебных пособий, посвящённых проблемам авторского идиостиля.

Ключевые слова: постмодерн; дискурс; идиостиль; метод контекстуального анализа; интертекстуальность; диалог культур

Современное культурное и поэтическое пространство в наибольшей степени охватывается таким магистральным художественным феноменом, как постмодерн. Напомним, что художественный язык постмодерна кардинально отличается от языка прочих стилей, поскольку вбирает в себя традиции и стилевые черты абсолютно разных эпох и, перерабатывая полученный опыт, синтезируется в нечто совершенно новое, не утрачивая при этом уже знакомых читателю художественных свойств.

Соответственно, можно утверждать, что мы живём в эпоху смешения стилей, когда определённое эстетическое содержание стремится выразить себя различными художественными средствами.

Поэтому особенно уместно говорить в связи с этим о диалоге культур в рамках произведения искусства – в частности, поэтического произведения. Сознание современного автора, работающего в рамках постмодернизма, по большей части направлено на переработку мифологического и культурного опыта прошлого, трансформацию мифологем и наполнение их новым смыслом. Многие исследователи современного культурно-исторического процесса сходятся во мнении, что отличительной чертой новой литературы является полифонизм, множественность пересечений различных культур, мировоззрений, художественных методов. Например, Е.В. Пилюгина в статье «Неомифология постмодерна» отмечает, что современное культурное сообщество «выглядит как конденсат самых разнообразных идей, мифов, мифологем» [1, с. 104].

Особенно интересным в этой связи нам показалось творчество таких современных поэтов, как Михаил Дынкин, Роман Смирнов и Олег Дозморов.

Так, художественный монументализм Дынкина базируется на глубоко переработанном опыте античности, на древнегреческой и древнеримской мифологии, соединённой с реалиями современной жизни и её десакрализованным пространством. Проанализируем его стихотворение об Агамемноне:

Агамемнон вернулся домой, уничтожив сто тысяч галлов.

Зовёт к себе Пенелопу, являются женихи,

читают ему стихи о демонах и валгаллах,

о том, как сияют скалы, о тех, кого душат мхи.

Агамемнон сидит, скучает, подбородок подпёр ладонью.

Вспоминает иное время, переход через Альпы, свет

над полями, заросшими белладонной...

Алый шар, озарив дворец, катится над палестрой.

Ещё один сон – и хорош, пожалуй.

Приближается Пенелопа (а кажется – Клитемнестра),

ударяет спящего в грудь кинжалом.

Традиционный миф об Агамемноне, органически включённый в контекст общечеловеческих истин и индивидуально осмысленный авторским сознанием, обретает новое звучание: диалог культур происходит внутри повествования, порождая качественно новые значения. Общеизвестен миф о Клитемнестре, убившей своего мужа Агамемнона, но в художественном пространстве Дынкина появляется ещё одна женщина – Пенелопа, и возникает некая дихотомия. Пенелопа – символ верности, Клитемнестра – измены и предательства, и в итоге легендарный царь, уничтоживший сто тысяч галлов, оказывается беспомощным и безоружным перед одной женщиной. Состояние покоя и безмятежности, которое, казалось бы, естественно для героя, вернувшегося домой, таит в себе угрозу и оборачивается трагедией.

Велика вероятность того, что данная аллегория подразумевает и те политические процессы, которые происходят в России 21 века, и правителей в принципе. Стареющий легендарный полководец, привыкший быть победителем, терпит позорное поражение у себя на родине – беда приходит оттуда, откуда менее всего ожидаешь её прихода. Тем острее на этом фоне выделяется тема предательства – больше всего предают близкие, те, кому безоглядно веришь.

Впрочем, векторы направленности читательской мысли здесь могут быть самыми разнообразными. В любом случае, идея диалога культур работает.

Аналогичным можно считать опыт прочтения стихотворения Романа Смирнова «G.T.». Но если Дынкин движется от прошлого к настоящему, то у Смирнова наблюдается исторический регресс – он идёт от настоящего к прошлому, показывает нам цепь «культурных реинкарнаций» главной героини своего произведения.

*Говори, говори, незабвенная тёплая Грета, в дальнейшем
называть тебя будем Джи Ти и поместим на марку,
и пойдут за тобой селфиносные полчища с криком: “За ней же!”
Одиссей бородатый и пьяный эколог наклеит портрет на конверт и пошлёт
Телемаху....*

*К тонкой шейке косички прилипшие. Рядом книжонка. Чего-нибудь Ницше.
Ноутбук, переписка по скайпу. Гуру летит профессор под ником Зелёный
(представляя Алису) и просит: “Г. Гретта... опустила бы камеру ниже...”*

*Дорогая Джи Ти, у индусов есть культ о вселении душ. Ты Саманта?
Нет, конечно, но не вздумай в Россию. Зачем тебе эти проблемы?
Скоро Саммит. Допей молоко. Дочитай упаковку. Обман там,
а с обманом ты знаешь что делать – Si vis pacem, aга, para bellum.*

Первый культурологический пласт – история современной шведской школьницы-аутистки Греты Тунберг, страдающей синдромом Аспернера и испытывающей повышенную тревогу за климатическое состояние окружающей среды. В тексте стихотворения два её прототипа – литературно-анимационная спасительница галактики Алиса и хорошо известная

всему миру девочка-посланник доброй воли Саманта Смит, автор писем, адресованных Юрию Андропову во время холодной войны.

Трагическая гибель Саманты в автомобильной катастрофе, психическая неадекватность Греты наводят на мысль, что мировая история действительно движется по спирали, и каждое новое циклическое повторение прихода в мир псевдомессии сопровождается и завершается чередой зловещих и неоднозначно трактуемых событий, одновременно сигнализируя о несовершенном устройстве мира и грядущем апокалипсисе.

В целом понятно, что ни о каком мессианстве как таковом речь не идёт, и появление детей на опасном поле международной политической борьбы связано с хорошо продуманной, имеющей далеко идущие цели программой, где нет ни одного случайного хода.

Автор глубоко сочувствует своим героиням, ставшим разменной монетой политических интриг, но своим художественным сознанием и поэтической восприимчивостью переводит данную тему в несколько иную плоскость, и вскрываются другие культурологические пласты. Это и христианская мысль о спасении, и индийская философия с её теорией перерождений (в Грете автор стихотворения видит очередную реинкарнацию Саманты и подобных ей), и безусловный отсыл к образу Христа, «распятого» за свою идею.

Заключительная строка стихотворения «*Si vis pacem, aga, para bellum*» (хочешь мира – готовься к войне) становится неким связующим началом в процессе циклической смены эпох, собственно основанием для диалога культур. Латинское выражение, авторство которого приписывается римскому историку Корнелию Непоту, пережило не одну цивилизацию в силу своей универсальности, доказывая этим однотипность и повторяемость исторических явлений.

Так активизируются различные компоненты концептуальной картины мира в границах указанного текста. Если также учесть, что героини повествования – дети, то сама собой вспоминается идея Достоевского о том, что ни одна теория, даже спасительная в основе своей, не стоит слезы ребёнка. А что делать, если сам ребёнок – непосредственное орудие воплощения этой теории? В итоге размышления читателя могут обретать самые разные векторы направленности.

Способы художественного введения культурного диалога в поэтический текст, специфика его бытования в рамках социокультурного контекста, так называемого дискурса, различны у каждого автора. Например, такой современный поэт-урбанист, как Олег Дозморов, используя интертекст и разнообразные аллюзии, вступает в культурную полемику с авторами предшествующих эпох. Ключевой приём – перефразирование строки классика и наполнение её новым смыслом:

*Ты дал мне тему. Что мне делать с ней,
такой нелепой и такой моей?
За радость громкую – писать и жить
могу ли я тебя благодарить?
Я продолжатель и учитель я,
и сам себе приятель и друзья.
Я сам себе и друг, и господин,
пожизненно, единственно один.
На стёкла вечности уже легло*

твоё дыхание, твоё тепло.

Орнамент этот зрение промыл,

и всё происходящее простил.

В какой-то мере это стих-перевёртыш, стих-пародия, в шутливо-ироническом ключе утверждающий анти-истины применительно к истинам Мандельштама. Так «счастье тихое» (Мандельштам) сменяется «радостью громкой» (Дозморов), мысль о единении с миром – идеей абсолютного одиночества и замкнутости на себе. А если последнюю строфу воспринимать как обращение к конкретному адресату (автору первоисточника), то получается, что автор в итоге признаёт своё ничтожество и несостоятельность перед тем, чьё дыхание действительно легло на стёкла вечности и позволило примириться с происходящим ныне.

В итоге из шутливо-иронической формы опять вырастает идея апокалипсиса и десакрализации современного социокультурного пространства.

А следующее стихотворение как будто является итогом индивидуальной переработки опыта чтения Бродского, в частности, его знаменитого «От окраины к центру»:

Возвращаюсь домой. Солнце светит ещё.

Липы все зелены и пугливы.

Ну, давай, подставляй золотое плечо

вечной музыки под переливы

ещё раз. В небе мука заката, и тьма

из-под тучи чудесно нависла

так, что видимость света

полнит закрома...

Отягченного пением смысла

тут не жди. Это внятно тому, кто ушёл,

кто теперь одиноко проходит

мимо оптик, аптек, поликлиник и школ,

пивных точек, небесных угодий.

Здравствуй, здравствуй,

кому этот пламень присуц

и к кому он относится. Драки

все боялись, не то, что теперь.

Адских куц

недостаточно, видно. Не враки –

ты вернулся.

И видишь: разъехались все.

*Посети как впервые жилые кварталы,
общежития, друг, сделай на колесе
обозрения круг, закури-ка устало.
Видишь: ангел?
Он едет по чёрной земле
на машине с грозой под сиденьем.
У него на крыле и разбитом стекле
ночь соседствует с громом и пенъем.
Он теперь здесь живёт.*

Здесь присутствует та же идея двоимирия – пересечения линий живых и мёртвых, смены поколений, утраты отчизны и бесприютности. Подобная тема вообще нередко встречается в стихах Дозморова:

*Я Алексей Константиныч Толстой
с вялой моралью и пением птичьим,
в литературе прошёл по косою,
братом-филологом не увеличен.
Я Афанасий (закашлялся) Фет,
весь, целиком, не вместившийся в строчку.
Знайте, на склоне мучительных лет
сам я поставлю последнюю точку.
Яков Петрович Полонский сам-друг
передавал Аполлона поклоны.
Есть мне в поэзии дружеский круг,
есть для солдата свои батальоны.
Решетов есть у меня дорогой,
ах, Алексей Леонидович милый,
как я доволен такою судьбой –
медленной-медленной, неторопливой.*

Тема данного стихотворения – размышления о судьбах российских литераторов, совместное проживание/переживание этих судеб, пропускание их через себя, осознание себя в контексте не только своей эпохи, но и эпох предшествующих.

Итак, наше общество живёт в эпоху эклектики, ежедневно пожиная её плоды в разных формах современной культуры, вступая с ними во взаимодействие. Т.О. Корягина в статье «К философской концепции диалога (от М. Бубера к В.С. Библеру) [2, с. 45] отмечает, что

«диалогическая природа заключена в каждом акте человеческой деятельности» и что «полученное от прошлых эпох наследие является продуктом установления диалогических отношений человека с формами бытия на уровне духовного мира и эмпирического опыта индивида». Именно поэтому диалогика занимается учением о человеке в культуре, а современная литература главным объектом своего внимания делает человека, нетождественного своей эпохе, стремящегося извлечь новые смыслы из духовного опыта прошлых поколений.

Данное наблюдение в полной мере объясняет важность дискурса в процессе изучения современного поэтического текста, а также необходимость рассмотрения и изучения художественных произведений в контексте теории диалога культур. Современные писатели и поэты, ощущая свою нетождественность собственной эпохе, пытаются восполнить этот пробел, обращаясь к духовному наследию прошлого, «сталкивая» его с настоящим и переосмысливая заново в условиях современных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилюгина Е.В. Неомифология постмодерна // ж. «Философия и общество», вып. №1 (78), 2016, С. 104.
2. Корягина Т.О. К философской концепции диалога (от М. Бубера к В.С. Библеру) // Вестник Бурятского государственного университета, Философия. 2019, вып. 1, с. 45–53.

Sevryugina E.V.

Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia
Moscow center for the education of schoolchildren
E-mail: elena_s2003@list.ru

The problem of dialogue of cultures in the modern poetic text (based on the works of Mikhail Dynkin, Roman Smirnov, Oleg Dozmorov)

Abstract. This article is devoted to the urgent problem of studying a poetic text in the context of a dialogue of cultures. Today, when society is literally bogged down in eclecticism, and modern culture is formed under the strong influence of such an aesthetic trend as postmodern, it is especially important to analyze artistic discourse as a kind of field of interaction between the author and the reader and the cultural experience of the present and past.

Considering the fact that the key features of modern literary trends are intertextuality, semantic diversity, style heterogeneity and the presence of a game beginning, we pay special attention to identifying various cultural influences in the analyzed sources and analyzing the mechanisms of their interaction and interpenetration within the boundaries of a given text.

As the leading methods in the work, the method of contextual analysis, the method of reconstruction of the original cultural material, the method of comparative analysis are used. The leader may be called a comparative analysis method.

The results of research in this area can be used in the preparation of monographs on the modern literary process, in the methodology of teaching the latest Russian and foreign literature, as well as in the development of textbooks on the problems of author's idiostyle.

Keywords: postmodernism; discourse; author's style; method of contextual analysis; intertextuality; the dialogue of cultures

REFERENCES

1. Pilyugina E.V. Neomifologiya postmoderna // zh. «Filosofiya i obshchestvo», vyp. №1 (78), 2016, S. 104.
2. Koryagina T.O. K filosofskoy kontseptsii dialoga (ot M. Bubera k V.S. Bibleru) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya. 2019, vyp. 1, s. 45–53.